

А т а я

«Ой булбул, ой булбул», — пел Атай, и, казалось, что он зывает к соловью (булбул — соловей) — так исполнял он текст песни. «Ой» звучало достаточно громко и с акцентом, как вздох, а слово «булбул» произносилось тихо, затаенно. Его чистый, от природы хорошо поставленный тенор подобно ласточке порхает в пустом зале филармонии — то взлетает далеко вверх, трепетно парит под сводами и оттуда несет еле уловимое атаевское «и-и-и», то выражаясь опускается, вздымается и падает, падает и вздымается (чудесные вздохи-восклицания. «о-у», «а-и»). При подъеме мелодии певец усиливает динамику, ясно выделяя каждый слог, каждый звук, но вдруг голос его как бы проваливается и тихо, плавно заканчивается мелодический фрагмент. Любил Атай такие внезапности, тонко пользовался ими.

Невозможно исчерпывающе описать искусство этого чародея-ырчы. Оно находилось в полном соответствии с общим стилем и структурными особенностями его песен, выделяющихся среди фольклора сравнительной сложностью эмоционально-образного содержания и развитой формой. В них нельзя

(Продолжение. Начало в «Советской Киргизии» от 9 октября с. г.),

найти черт архаики, пассивных перепевов общеизвестных обонов, что встречается у других певцов, наоборот, — угадываются новаторские устремления автора, его желание расширить, обогатить выразительные возможности родной песенной культуры.

Песни Атая оригинальны, имеют устойчивые, взаимозакрепленные текст и мелодию, последняя, как правило, состоит из запева и припева, которые в свою очередь распадаются на несколько более мелких построений. А ведь традиционная, массовая киргизская песня в большинстве своем очень миниатюрна, слагается из двух мелодических построений — вопроса и ответа. Конечно, талантливые, опытные ырчы находят и другие песенные формы.

Я вспоминаю, как когда-то, еще до войны, Атая слушали во Фрунзе несколько московских композиторов: Белый, Баласания, Власов, Ленский, Раков, Фере. Всех их удивляло тогда тонкое ощущение Атаем закономерностей общей формы и тщательная отработка каждого перехода голоса, за которым скрывалось определенное художественно-смысловое значение.

Хотя Атай выучил ноты, но от этого он еще не стал композитором — профессионалом, не мог прибегать к теоретическим обоснованиям,

Атай сочинял не по нотам, а устно, в уме. Глубокое и искреннее восприятие советской действительности (он был коммунистом), ощущение новых культурных веяний, природный талант, старательное усвоение народных музыкальных традиций, опыта лучших певцов и музыкантов, самосовершенствование, здоровая интуиция — вот что определяло характер, отличительные черты творчества Атая.

...Я сижу в зале, смотрю на певца и удивляюсь той непринужденности, легкости, с которой он держится на сцене и исполняет свой репертуар. В его голосе, мимике, позе не проскользнет даже тени напряжения. Он переводит взгляд с комуза на публику, а иногда устремляет его вдаль (особенно тогда, когда длительное время останавливается на протяжном звуке).

Эта простота, естественность поведения, открытый, доверчивый взгляд, эти задушевные, от чистого сердца песни удивительно сближали певца с аудиторией, вызвали расположение к нему, создавали атмосферу камерности, непринужденного музицирования. Она возникала всегда и везде, когда и где бы ни выступал Атай, пользовавшийся в народе огромной популярностью, покорявший своим искусством

молодежь и стариков, рядовых слушателей и многоопытных певцов и музыкантов.

Однажды мне пришлось во время поездки в Нарын провести целую ночь в юрте в обществе известных акынов. В их среде был и Атай. Он пел свой обычный репертуар, который был им всем знаком, и тем не менее аксакалы киргизской музыки, слышавшие его, вероятно, десятки раз, внимали ему как завороженные.

Атай располагал к себе привлекательными личными качествами. Общительный, веселый, остроумный, наделенный чувством юмора, жизнелюб, — везде, где бы он ни появлялся, приносил с собой оживление, вызывал симпатии. Мне не забыть дружеского, словесного поединка между Атаем и Калыком во время этой запомнившейся ночи. То было состязание в остроумии и находчивости. Они подшучивали один над другим. Хлесткая, смешная реплика одного немедленно парировалась соперником. В юрте стоял неумолкаемый хохот. Это продолжалось, вероятно, около двух часов. Победителем вышел Атай. Калык спасовал.

...Я слушаю Атая увлеченно, с неослабевающим интересом. Чувствуя нашу заинтересованность, он музицирует охотно, с подъемом. Сзади меня, где-то в зале, сидит Петр Иванович Шубин. Степенным своим баском он время от времени подсказывает певцу его репертуар. Шубин знает его прекрасно. Атай был участником руководимого им оркестра народных инструментов, часто выступал в концертах в качестве певца и комузиста.

— «Маш Ботой», — говорит Шубин. Атай бросает взгляд в его сторону, улы-

бается и, подняв руку, начинает играть. Теперь откровенно второе отделение его концерта: он демонстрирует искусство комузиста-исполнителя собственных и традиционных произведений.

«Маш Ботой» — это песня Атая, которую можно назвать атласом или энциклопедией применяемых на комузе штрихов и приемов. Автор поставил перед исполнителем сложнейшие технические задачи. Уже в первые секунды игры Атай раскрылся как виртуоз высокого класса, легко справляющийся с огромными трудностями.

Музыка звучит зажигательно, в бешеном темпе. Тема сверкает многими своими сторонами. При этом все пассажи выполняются чисто, отточенно, без погрешностей.

«Жакши!» — кричит на весь зал мой сосед, экспансивный Фере. «Ак томак, кек томак», — невозмутимо гудит Шубин. Атай прислушивается, и тут же с ходу играет названную прелюдию. И она сопровождается зрелищными эффектами. Теперь с помощью кисти и пальцев правой руки на грифе и около него разыгрывается целая сцена, в которой участвуют два героя, два действующих лица, имеющие яркие отличительные черты. Они раскрываются и в музыке, и в движениях. А комуз не перестает звучать. Как ухитряется Атай изображать пальцами персонажей инсценировки и одновременно задевать ими струны — это заметить невозможно. Я отчетливо улавливаю в музыке два разных образа и иллюстрацию событий. Меня приводит в восхищение отработанность деталей и вместе с тем содержательность произведения.

(Окончание следует),